

● К 75-ЛЕТИЮ
АЛЕКСАНДРА
ПРОКОФЬЕВА

«МЫ МАЛО ДУМАЛИ О СЛАВЕ...»

ПОЧТИ полвека знал Александр Андреевича Прокофьева. Были с ним встречи — на многочасовых заседаниях, конференциях, съездах и просто дома. Видел его добрым, радостным, остроумным, видел гневным, колючим, ершистым...

Знакомство мое с ним относится к началу двадцатых годов. Прокофьев — красноармеец вместе со студентами Панфиловым, Корниловым, Саяновым приходит на мой университетский семинар по Горькому, внимательно следит за докладом Панфилова и прениями по докладу...

В отроческие, юношеские годы Александр Прокофьев — рыбак, землепашец, влюбленный в родную Олонию, в светлую, раздольную Ладогу. В молодости он станет вдохновенным певцом первозданной красоты северного края.

Не раз приходил ко мне, будучи уже известным поэтом, с недоуменными вопросами, якобы из-за грамматики. В грамматике он, конечно, силен, а «загибает» на счет диалектных жаргонных словечек из быта рыбаков, деревенских людей.

Ладожские словечки крепко сидят в его душе, и тут ничего с ним не поделаешь. Смело спорит, выдерживает горячие бои, защищая самобытный язык советской поэзии.

Ранние размашистые стихи-песни Александра Прокофьева полны поэтической страсти, живого, радостного жизнелюбия, его поэтическое творчество начальной поры отличается глубиной и широтой исканий, стремлением показать богатую, многообразную, самоцветную жизнь окружающего мира. Поэт верно говорит о своей любви к труду, к филангранной работе:

«Я не «старатель», я — другой.
Старатель что-то копнет, разрушит породу и уйдет, я скорее «промышленник», и если уж засладу, то буду упорным, работать долго и упорно, стараясь исчерпать материал, насколько это в моих силах...»

От многих стихотворений ранней поры, писавшихся с озорной улыбкой, веет простотой, четкостью, ясностью мысли и живописностью образов — картин. Читает поэт с необычайной живостью, с

раздумчивой эмоциональностью. Его слушают с неподдельным восторгом, особенно стихи, прославляющие Ленина и самоотверженных борцов революции, героев гражданской войны:

Когда мы в огнеметной лаве
Решили все отдать борьбе, —
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе...

В грозные, тяжкие дни Великой Отечественной войны и блокады Прокофьев — на линии огня, выступает перед брйцами, работает в армейской печати, выпускает один за другим поэтические сборники. Тогда рождается у него поэтическая, патриотическая поэма «Россия». Поэт — гражданин воспекает страну грандиозного революционного размаха, страну великих возможностей, великанского труда, лучезарной свободы, солнечного, ликующего счастья.

Образная сила поэмы богата и сложна, за каждой метафорой, эпитетом, сравнением угадывается нечто сокровенное, уходящее корнями в глубь времен, в историю...

Памятны встречи вскоре после войны в древнем Пскове, куда

А. А. Прокофьев частенько приезжал вместе с Н. А. Брауном, А. И. Гитовичем, В. М. Саяновым и другими ленинградскими поэтами.

Необычайно благоволил перед Александром Прокофьевым, удивляясь его песенному дару, псковский поэт-партизан Иван Васильевич Виноградов, во многом за ним следовавший. Инициатором одной из незабываемых бесед о роли песни стал он... Ведь прокофьевские песни, по словам И. В. Виноградова, — явные гимны во славу Родины, «голос самого народа».

«Лирическая песня весьма любима народом, — горячо, убедительно сказал в той беседе Прокофьев, — никогда не создавалась она так стремительно, шумно, как в наши дни... У нас много талантливых песенников: Исаковский, Лебедев-Кумач, Сурков, Чуркин... Природа песни требует ясности и точности выражения, высокого идейного содержания, исключительно тонкого мастерства, сердечного, звучного слова, цельного, цветистого...».

Я. НАЗАРЕНКО